

Андрей Драгунов

Комната

стихотворения

Андрей Драгунов

Комната

«Издательские решения»

2015

Драгунов А.

Комната / А. Драгунов — «Издательские решения», 2015

У тех, кто рано умирает среди картин и книг на полках, без близких и друзей (кто знает — не лучше ли), среди осколков бывшего, среди прочей пыли, не звездной, тряпочной, бумажной, где моль голодная — всевластный властитель, где рукою влажной пройдя по полкам понимаешь, что все хранимое неважно, и только ты об этом знаешь, и от того немного страшно, и от того немного больно, но одиночество спасает... И слышатся слова Господни у тех, кто рано умирает.

© Драгунов А., 2015

© Издательские решения, 2015

Содержание

«...представь себе лес ещё существует. Шумят деревья...»	6
«Ещё не дом, но комната уже – ...»	7
«Давай попробуем состариться – теперь – ...»	9
«Вот и ты, как будто навсегда...»	10
За чтением рукописи	11
«...вот и теперь – без вымыслов – только суть – ...»	12
«Когда идёшь по улице – из детства – ...»	13
«Когда земля становится всё дальше...»	14
«Где над рекой свисают облака...»	15
«В середине июня все разговоры о температуре...»	16
Из переписки	17
Из другого письма	18
«Юг выглядит не так, как острова...»	20
Ещё один день рождения	21
Июль, 1. 5.13. утра	22
Расписание	23
«Достоверно известно место, где хоронили...»	24
«Воздух после дождя прилипает к рукам...»	25
«Под камнем сим, сказал бы аноним...»	26
Предпоследнее путешествие	27
Извещение из географического общества	28
«Глядишь в колодец и не видишь дна – ...»	29
Конец ознакомительного фрагмента.	30

Комната
стихотворения
Андрей Драгунов

© Андрей Драгунов, 2015

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero.ru

«...представь себе лес ещё существует. Шумят деревья...»

...представь себе лес ещё существует. Шумят деревья.
Мимо него проходят куда-то люди —
утром и вечером и, даже, ночью — еженедельно —
и в выходные дни, и в рабочие будни,
то есть в любое время. Когда погода
не позволяет выйти совсем из дома,
даже за хлебом — всё выглядит по-другому —
будто бы даже местность уже не знакома...
и взгляд поднимается выше самих верхушек
старых деревьев, чтоб точно увидеть небо —
не через ветки, которые можно слушать
при порывах ветра — с завтра до обеда...
Лес ещё существует — его границы
так же видны, как берег с кормы буксира,
что, уходящему в плавание, будет сниться,
даже, когда в запасе уже полмира —
это ещё один вариант спасенья
от одиночества... Верх корабельной мачты
напоминает лес и его деревья,
что к облакам всё ближе уже маячат.

июнь 21. 2015 год.

«Ещё не дом, но комната уже – ...»

Ещё не дом, но комната уже —
три на четыре с окнами на площадь,
на третьем, предпоследнем этаже,
где пьяная соседка в неглиже —
почти – с утра над газ. плитой хлопочет,

соорудить пытаюсь на обед
хоть что-нибудь из нищенских припасов —
каких-нибудь копеечных котлет,
что любит так возлюбленный сосед...
и даже прячет пару под матрасом —

на всякий случай, чтоб не голодать
в ночное время, или спозаранку,
когда на службу надобно вставать,
а в холодильнике лишь только – Твою мать! —
и, высохшая год назад, баранка —

картина маслом... или же углём —
по крашенной стене – но впечатляет,
когда сосед с котлетами бульон —
и, кажется, как будто трезвый он —
скрепя зубами, молча уплетает.

Таков, увы, литературный быт.
Спасение лишь за закрытой дверью,
когда сосед после обеда спит
и счёт котлетам временно закрыт...
и есть возможность подсчитать потери.

Жизнь – есть всего лишь сумма мелких дел —
порой незавершённых – не хватает
то сил, то времени... и если не успел
всё завершить, как сам того хотел —
то, точно, кто-нибудь за это не похвалит...

не наградит за тяжкие труды,
не выдаст премию, не удостоит взгляда,
не поднесёт уставшему воды —
поскольку было больше ерунды
в его словах – ну так ему и надо —

за сказанное. Чей-то липкий взгляд,
как будто через стенку, проникает
в пространство, где ему никто не рад,

но он вбирает глазом всё подряд,
как будто – червь, но быстро уползает

к себе обратно и его следы
теряются на кухне и уборной
там, где ему достаточно воды
и, видимо, котлет, то есть – еды,
располагаясь, где ему удобно —

Такая жизнь, но с адресом теперь —
не лучший вариант, но и не хуже —
по крайней мере призрачная дверь —
спасает от естественных потерь
и от судьбы бездомного – к тому же.

июнь 22. 2015 год.

«Давай попробуем состариться – теперь – ...»

Давай попробуем состариться – теперь —
не после, когда вовремя – до срока,
пока число назначенных потерь
не стало явью – грубой и жестокой
и не случилось что-нибудь ещё,
о чём потом подумать даже страшно.
За что, возможно, даже, не прощён
останешься – почти, как день вчерашний —
за невозможность всё вернуть назад,
к исходной точке, где ещё способ
всё изменить, хоть, дважды говорят —
не то, что в реку – в ванну – без вопросов
не влезешь и не сможешь повторить...
Давай состаримся теперь, двадцать второго.
В квартире на четвёртом будем жить —
ты, я и кошка цвета голубого,
как небо осенью за кухонным окном.
Нам повезёт – мы выживем, наверно...
Жаль в комнате отсутствует балкон —
он был бы кстати, чтобы осень скверной
не показалась. Чтобы внешний вид
деревьев – яркий – виден был с балкона,
та часть двора, где лампочка горит
и детский сад, с рождения знакомый.

июнь 22. 2015 год.

«Вот и ты, как будто навсегда...»

Вот и ты, как будто навсегда,
уезжаешь. Я один в квартире
остаюсь и капает вода...
мыши доедают дыры в сыре.
Медленно карабкается день
расставания, растягивая муку,
как для понимания ... и тень
по стене протягивает руку
для рукопожатия. Молчу —
что ещё сказать – Прощай, наверно...
И слова упрёков пропущу —
ни к чему в дорогу портить нервы.

июнь 22. 2015 год.

За чтением рукописи

Судя по текстам, ему было больше лет,
чем в биографии – минус учёба в школе
для дураков, которые за ответ
платят обедом – голодные по неволе...
Каждая буква, как будто бы – год за два —
плюс осложнения с сердцем ещё в колхозе
от института и кругом идёт голова —
в перечислении – проще, наверно, в прозе
всё это высказать и не сойти с ума —
только поэтому «граф» не любил Шекспира —
проще без рифмы найти – чья во всём вина —
быть иль не быть, как сказано на полмира,
или куда-то дальше... Скрипи перо,
перебегая со строчки в другие дали —
может быть кончится рукопись и всего —
то останется – смазать с лица печали.

июнь 23. 2015 год.

«...ВОТ И ТЕПЕРЬ – БЕЗ ВЫМЫСЛОВ – ТОЛЬКО СУТЬ – ...»

...вот и теперь – без вымыслов – только суть —
а рассказать-то нечего в ярких красках,
чтобы не так, как раньше – не как-нибудь,
как это было в русских любимых сказках
там, где Емеля и печка – почти... жена,
или же щука, своим плавником наморщась —
чтобы уже, действительно – всё сполна —
водка, аптека, уха, с постаментом площадь.

июнь 24. 2015 год.

«Когда идёшь по улице – из детства – ...»

Когда идёшь по улице – из детства —
в какой-то дом, наверное, чужой,
где предлагают у дверей раздеться
и снять ботинки и... стоишь босой —
не вспоминаешь тех, кто жил и умер
на этой улице – считаешь фонари,
которые горят, как ночью пули
на поле боя и шипят внутри
разорванного тела. Старый город —
из прошлой жизни – парк, фонтан, дорога,
аптека рядом, листьев жёлтых ворох,
исписанных дождём – по-детски строго,
как в прописи. Сезон воспоминаний
о фонарях, что выше карусели...
за провода цепляются названия —
кустов и высохших почти уже деревьев
и улица молчит холодным камнем,
и дождь то капает, то продлевает скуку
молчанием своим – по ржавым ставням,
сводя на «нет» свиданье и разлуку.

июнь 25. 2015 год.

«Когда земля становится всё дальше...»

Когда земля становится всё дальше,
гляжу вокруг – где лучше приземлиться,
когда придётся – будто бы сквозь пальцы —
сквозь облака и посторонних лица.
Пейзаж – почти однообразно серый —
за исключением той зелёной крыши
в начале улицы – природа захотела
разнообразия – но видимого свыше —
не всем доступного, как будто для отчёта
перед Создателем о выполненной службе —
Сотри, я здесь... гляди из самолёта,
как будто крыша – это всё, что нужно
Создателю... Весёлый птичий клёкот
в небесной тишине – лишь отвлекает
от наблюдения за красотой полёта —
земля кругла, но кто об этом знает —
доподлинно, кто видит весь рисунок —
изгибы улиц, церковь на отшибе,
не освещённый ночью переулок,
священника на старенькой машине...
Гляжу на землю и считаю время
до приземления – уже совсем недолго
и самолёт согнёт свои колени,
расправившись удачно с чувством долга.

июнь 26. 2015 год.

«Где над рекой свисают облака...»

Где над рекой свисают облака,
курю на берегу, считаю капли
с плакучей ивы – пресные пока
и тем дороже, как родные камни
на том же берегу... и не стереть
с них капельный извилистый рисунок,
впитавшийся в измученную твердь
до основания, до складочки угрюмой
на мокром лбу – вода – кругом вода
и облака, что низко нависают.
О, облака! О, эти облака,
которые всё время уплывают
куда-нибудь – неведомо куда,
чтоб, вероятно, может быть – вернуться —
где ждёт их не солёная вода,
в которую ещё раз окунуться
и – стать моложе – всех перехитрить...
Сорвав одежду, искупаться в речке,
на берегу которой покурить
мне довелось, не думая о вечно
тогда ещё. Река и облака,
что в каменной слезе соединились,
в извилистом рисунке – на века
и там остались, то есть – растворились.

июнь 27. 2015 год.

«В середине июня все разговоры о температуре...»

В середине июня все разговоры о температуре,
о недостатке лекарства в ближайшей аптеке
от перегрева в сердечной мускулатуре
и о каком-то, виновном во всём, человеке —
даже без имени — только невнятная внешность
в упоминаниях. Градусник бьёт все рекорды —
минус какая-то там временная погрешность —
предположительно, то есть, возможность свободы —
передвижения. Кто-то пытается выжить,
прячась, как рыбка на солнце, за собственной тенью,
но получается — лишь положение ниже —
вниз по течению, где тишина и забвенье
перетекают — одно из другого... и дальше,
чтобы не встретиться с кем-нибудь из сослуживцев,
с тем, кто отправился вниз по течению раньше,
предполагая, что с ним ничего не случится,
но ошибался, поскольку июнь и... погода —
время не лучшее для продолжения жизни,
для сохранения, даже... Чего там свобода?
Передвижения? — это лишь взгляда и мысли —
в след улетающей, тающей маленькой птички,
что если б не градусы, то непременно — вернулась,
даже, хотя бы, рисунком на белой страничке,
в школьной тетради, откуда вчера упорхнула
после обеда, да, так и растаяла где-то
за горизонтом, куда человеку — лишь взглядом.
Температура горит, как в руке сигарета —
месяц — июнь — без надежды уже на прохладу.

июнь 28. 2015 год.

Из переписки

Не выходи из дома, чтобы увидеть мир —
ибо и так известно куда заведёт дорога,
сдав тебя на хранение, то есть – на карантин,
как обычную вещь, чтобы уже не трогать
и даже не вспоминать...
Кто тебя должен помнить!..
Может в углу кровать?..
Завтра, вчера... сегодня.
То есть – почти всегда —
вечная это мука —
разрозненные поезда...
назначенная разлука.
Пальцы длиннее рук —
до горлышка дотянуться —
не выходи за круг,
чтобы не разминуться
со стрелками на часах —
каждую ночь сквозь шорох
Ангелов в небесах —
крыльями. Спящий город
не оставляй, пока
не разглядишь дорогу —
ровную в облака —
чтоб напрямую – к Богу.

июнь 28. 2015 год.

Из другого письма

И. К.

Знаешь, друг мой, чтоб ни говорили —
всё-таки, совсем не так уж плохо
жизнь сложилась... как там — жили-были,
кажется. Не слишком одиноко,
если не считать болезнь и школу,
пару браков и поездку к морю,
где гуляя вечером по молу —
только с морем можно и поспорить
о превратностях — уже всего на свете —
так как половина за спиной
и... никто за это не в ответе —
не стучать же в стену головою...
да и толку... Медленно дорогу
переходит кошка, как мы в детстве —
некуда спешить и... слава Богу!
И не надо думать о наследстве...
за которое любой готов полцарства
променять, а жалко и копейки —
знаешь, друг мой в этом всё лукавство —
океан не вычерпать из лейки,
чтобы перелить в другое море...
облака такого не позволяют —
просишь защитить тебя от горя —
будь готов платить за это горе —
чем угодно. Может даже смертью —
но своей — не вариант чужою...
Так что извещение в конверте —
только повод, чтоб с тобой поспорить,
не стесняясь больше в выраженьях —
жизнь и так пуста на половину —
если любишь вариант сложенья —
будь готов разглядывать руины
за соей спиной. Считать убытки,
как посуду в опустевшем доме,
что был весел, судя по открытке,
что пылится на твоём комодке,
покрываясь сигаретным дымом,
как углы банальной паутиной...
Жизнь — в действительности — оказалась длинной —
от того и выглядит старинной,
как какая-то старушка у платформы,
что торгует жёлтыми цветами,
проводя человека в форме —

целый век уже... и машет всё руками,
не надеясь, впрочем, что приедет
навестить – не в отпуск! – на неделю...
чтоб его увидели соседи —
как он едет, едет, едет. Едет.
Помнишь, друг мой, на мосту из Польши
мы курили, коротая время
до таможни, втапывая в площадь
русский вариант преображенья
Родины, плевали на законы...
возвращались, как с войны солдаты —
думали, что будет по-другому...
а кругом остались виноваты...
и теперь спасают лишь чернила
из китайской ручки сторублёвой...
жизнь – в действительности – оказалась длинной,
что увидеть можно лишь с балкона
нового жилища в старом доме,
где и призрак-то уже не обитает...
Как у классика там, помнишь, в пятом томе —
Буря медленно, но верно умолкает.
Знаешь, друг мой, если не случится
нам увидеться в последний понедельник
месяца – пусть чёрная страница —
не окажется, действительно, последней.

июнь 29. 2015 год.

«Юг выглядит не так, как острова...»

Юг выглядит не так, как острова
на Ладого, увы, намного хуже —
печальный вид, засохшая трава...
Пейзаж, глядящийся в оставшуюся лужу —
от прежних лет — цветущая река,
плывущая в низ по течению тина,
кувшинки, по привычке — к облакам,
но бесполезно — их движенье — мимо —
подальше от засушенной реки —
без отражения, без повода остаться
хотя б на миг и... мысли коротки
о возвращении — желание встречаться
отсутствует. Куда-то навсегда
исчезла зелень сказочного лета...
Глаз тычется в траву — кругом трава —
засохшая... лишь ветки бересклета —
хоть не на много — украшают вид —
картина Верещагина — пустыня —
со всех сторон... и облако глядит
на речку, чьё уже забыто имя.

июнь 30.2015 год.

Ещё один день рождения

Праздник начинается в полночь, когда все спят.
Ново-рождённый не плачет в своей кровати.
Колокола на церкви ещё молчат.
Только мать хлопочет на кухне в цветном халате,
чтобы успеть к рассвету. Пока темно.
Пол не скрипит. Без света не шевелятся тени.
Сквозь облако звёздочка маленькая в окно
что-то нащёптывает – важное – без сомненья...
и говорит, как будто – пора вставать,
но никого, кто мог бы её услышать —
на кухне гремит посуда – хлопочет мать...
да иногда в углу шепелявят мыши.
Ночь продолжается долго – почти, как день.
Медленно, как поездной разговор – душевный.
Тянется точно в полдень от башни тень —
водонапорной башни – почти волшебной...
только, увы, не сказка, а просто – ночь —
ночь дня рождения, что наступает в полночь,
как и любые сутки, как жизнь – точь в точь,
не предлагая, разве что, в этом помощь.
Стрелки слипаются в полночь на целый миг,
чтобы потом расстаться – уже до полдня,
то есть, когда почти что уже старик
и впереди – другое уже – сегодня...
не день рождения – просто дождливый день,
что для конца июня большая редкость
в этих краях... и, даже, от башни тень
не наколдует лучше, спасая местность.
Время почти кончается... мягкий свет
греет уже подушку своим вниманьем...
дом, просыпаясь, как будто ему в ответ,
сводит на «нет» ночные переживания.
И наступает пора прокричат – Ура! —
ново-рождённому и подарить подарки...
только звезда уже полчаса как ушла,
скрывшись за облаком, точно прохожий в арке.

июнь 30. 2015 год.

Июль, 1. 5.13. утра

Только на кухне имеет смысл читать стихи —
под шум конфорки, под шёпот воды из крана,
под вороны хриплое карканье, под шаги —
за окном, хотя ещё очень рано
для пешей прогулки... да и для любой другой —
время ещё не лучшее для прогулки —
лишь для стихов, наверное, что с тобой
облачным утром плодит на окне окурки,
на подоконнике, то есть. Стекает дым
по занавеске цвета кофейной гущи...
от того всё выглядит – будто бы стал седым,
то есть, вполне возможно, что даже лучше,
тем самым давая зеркалу лишний шанс —
не ужаснуться – как быстро проходит время —
в том его варианте – здесь и сейчас,
когда на лице следы, но не факт старения.
Кухня спасает наличием кофе, тепла, еды...
сигаретного дыма, смешанного с азартом
литературы... какой-то ещё ерунды,
вдруг возникающей перед глазами внезапно —
всё это тянет на вымысел или бред
умалишённого! – только спасает рифма,
вовремя найденная и... через штору свет,
вылитый в чашки – с гущей кофейной слитно —
как бы уже – не ночь, но ещё не день —
«между собакой и волком» – в другом раскладе —
время уходит... кухня, стихи... сирень,
но без цветов... под окнами прорастает.

июль 1. 2015 год.

Расписание

Колокол отмеряет время после полудня,
оставшееся до ужина, до кружки пива,
до свежего хлеба, что подают обязательно к студню
в данной местности... и выглядит очень мило,
как «святое семейство», собравшееся на ужин —
милые люди, с глазами, как утром небо,
но только вечером, когда отраженье в луже —
выглядит так, как должно быть после обеда...
то есть не так, как выглядят рано утром,
после бессонной ночи с женой в постели...
и только колокол напоминает гулом,
что пора на работу – ещё не конец недели.
И так продолжается на протяжении жизни —
колокол бьёт, люди глядятся в лужу —
никто не в накладе... голуби только капризны —
не едят старый хлеб – он никому не нужен.
И нищий на паперти кладёт до земли поклоны,
благодаря прохожего за вниманье —
карман его пуст, но взгляд благодарности полон...
Маленький город, чьё даже забыл название.

июль 2. 2015 год.

«Достоверно известно место, где хоронили...»

Достоверно известно место, где хоронили,
но теперь не найти даже номер его могилы —
всё заросло бессмертником и полынью...
а говорят, что бабы его любили.
Видимо так любили, что стёрлось место
проникновения мысли, откуда память...
и теперь только ветер в траве сторожит окрестность,
чтобы хоть это осталось, раз спёрли камень.
И от ворот стоптали совсем дорожку...
ни указателя, ни записи в книге мёртвых —
был человек, как будто бы – понарошку...
в синей рубашке и в пиджаке потёртом —
очень любил его, даже когда подкладка
стала, как сито... но сохранила форму.
Жизнь оказалась, увы, не настолько сладкой,
даже, когда иногда приходила в норму,
то есть, когда с утра не болело сердце
и выпитый кофе не вызывал удушье,
то есть, желание заново переодеться
и утопиться снова лицом в подушке...
и отогнать все мысли – туда-обратно,
к той, что любила, да так и не вышла замуж,
но родила, говорят – от него. Вероятно...
и тянет по речке, как старый погонщик баржу
до этого места, откуда другие дали
более-менее видимы на рассвете...
Только ни кофе, ни сигарет не дали —
знал бы он раньше – как его после встретят —
не согласился бы, точно, идти в могилу —
без указателя даже, в траву по пояс...
Бог с ними всеми – знали кого любили!
Кто-нибудь после напишет об этом повесть.

июль 2. 2015 год.

«Воздух после дождя прилипает к рукам...»

Воздух после дождя прилипает к рукам.
Голуби пьют из лужи, как после пьянки,
жадно глотая воду. То тут, то там
слышится дворник, метущий пустые банки —
после вчерашнего — это его «улов» —
в металлолом и... будет портвейн на завтрак,
благо приёмщик не далеко — за углом
и в двух шагах с портвейном стоит палатка.
Раннее утро. Начало июля дождь —
будто в награду за долгое ожидание
и, даже, прохлады, что вызывает дрожь —
лишь дополнение, чтобы привлечь внимание
к происходящему. Голуби воду пьют
безостановочно, как до конца полёта...
будто бы в небе птицам воды не дают,
будто бы в небе — засуха, или что-то
очень похожее... дворник уже хорош —
завтрак окончен — работа осталась в прошлом —
воспоминанием, то есть. Июльский дождь
тоже остался в прошлом — чуть-чуть... хорошо.

июль 2. 2015 год.

«Под камнем сим, сказал бы аноним...»

Под камнем сим, сказал бы аноним,
мы все, состарившись – и раб, и господин.

2015 год.

Предпоследнее путешествие

Вода под ногами плещется круглые сутки...
корабль плывёт, не взирая на шторм и холод —
сверху и снизу. Мачта скрипит, как будто
с парусом вместе свалится скоро в воду
и... не услышать тогда крика местных чаек,
то есть корабль опять не дождутся дома —
третий ха год — это уже не случайно —
видимо кто-то из местных не чтит законы...
но это — после, пока только шторм и слякоть
в каждом углу, в каждой укромной щели —
хочется выть, но получается — только плакать,
засыпая под утро в мокрой от брызг постели.
И никакая страховка не возвращает
тех, кому утром было — от силы — двадцать...
ветер в, слепых от соли, глазах читает —
лучше бы было дома ему остаться —
были бы чайки сыты и рыбы целы...
но так не бывает, когда за порогом осень...
Чайка кричит, но имени не называет...
да и с кого за убытки по факту спросишь —
разве что — с Бога! — но он не по этой части —
во имя Отца и Сына... и... будь спокоен.
Ветер полощет новых страдальцев снасти...
жизнь продолжается — как бы сама собою.

июль 3. 2015 год.

Извещение из географического общества

С прискорбием сообщаем, что ваш сын и ваш муж
бесследно исчез, когда собирал бутылки
на северном полюсе – провалился в одну из луж —
ей будет дано его имя и статус могилки...
ОТ себя добавлю – что был он ни так, ни сяк —
много пил, проигрывал в карты обед и ужин,
воровал на шашлык подопытных поросят...
Как вы с ним жили – с сыном таким и мужем!..
Пенсия будет выплачиваться точно в срок.
Дата. Подпись – начальник станции – Иван Сурок.

июль 3. 2015 год.

«Глядишь в колодец и не видишь дна – ...»

Глядишь в колодец и не видишь дна —
черно в колодце, точно в преисподней,
но кто там был, кто знает имена
вернувшихся с рассказами?.. Сегодня
ненастный день и, видно, потому —
черно в колодце, как в глухой пещере.
Сказать Сезам?.. Но было бы кому...
Кто открывает запертые двери?
Кто свет включает? Лампочка горит —
не в этом месте, где темно и сыро...
и глаз колодезный, не двигаясь, глядит —
но без зрачка – глядит, как будто мимо —
в другую ночь, что где-то за плечом
уже стоит... и в свой глядит колодец,
и шепчет на ухо, как будто ни о чём,
как опоздавший к битве миротворец,
не разобравшийся – куда ему... Куда?...
Вода в колодце вслух – не отвечает,
но дышит, кажется... Безмолвствует вода.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.